

Михаил Черенков

доктор философских наук, специалист по социальной теологии протестантских церквей, вице-президент фонда «Духовное возрождение»

Назад к истокам – назад к Христу

«Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос».

(1 Кор. 3:11)

Вопрос о первоначалах, первоистоках, первооснованиях христианства – вопрос теолого-философский, из разряда общезначимых, над которыми бились лучшие умы человечества, и религиозные, и безрелигиозные. Бились – но практически почти безуспешно, ибо находили лишь частные, ситуативные ответы, проблема в целом так и осталась нерешенной. Решение не найдено, и поэтому сегодня мы, современные люди, столь остро переживаем нынешнюю бесосновность мира и жизни в миру, постмодернистский провал в зияющую пустоту, едва прикрытую остатками метанарраций.

Даже для мыслителей христианских оснований до сих пор остается малоосмысленной темой, иначе не горевали бы мы так скорбно по поводу утраты своих традиций и помнили бы о личностной основе всего сущего – о Христе как первоосновании.

Сегодняшняя работа по восстановлению оснований требует небывалого мужества, необходимого, чтобы продолжать подъем при общем спаде, плыть против течения, быть вопреки. Но именно такое мужество видится в заявлении Лютера: «На сем стою и не могу иначе, да поможет мне Бог».

Во времена первых реформаторов столкнулись два основания – католическая традиция Рима и «только Христос» одинокого Лютера.

Восстановление оснований возможно как возвращение к истокам, а возвращение к истокам – это возвращение не в раннее христианство, а к Самому Христу.

Сегодня, в век безосновности, беспочвенности, нужно доказывать не только крепость основания, но его возможность и действительность. Мир не знает веры, а Церковь почти не помнит Христа. Возникает вопрос о крепком основании, на котором могут стоять современная Церковь и каждый христианин, и на которое смогут опереться люди внецерковные, ищущие «истину и жизнь».

«Когда разрушены основания, что сделает праведник?» (Пс. 10:3) – это вопрос безответный. Но это вопрос – освобождающий от сосредоточенности на себе, и потому спасительный.

У Церкви больше нет оснований собственных, но у нее есть гораздо большее – Христос, почти забытый, почти неизвестный, но живой и всемогущий. Тщета наличествующего и богатство скрытого – то, что всегда удивляет наблюдающих за историей Церкви. И только Сам Христос – единственное и достаточное условие ее выживания и победы.

Восстановление оснований возможно как возвращение к истокам, а возвращение к истокам – это возвращение не в раннее христианство, а к Самому Христу.

Евангельское христианство делает акцент не на возвращении к самой Церкви в ее «начальном», «чистом», «лучшем» виде, а на возвращении к первооснованиям Церкви, и в этом – его принципиальное отличие от христианства исторического.

В то время как одни призывают вернуться «назад к отцам», а другие к святому Фоме Аквинскому, евангельские протестанты не собираются возвращаться к своим немногочисленным авторитетам – ни к Лютеру, ни к апостолу Павлу. Основанием евангельского христианства является – не меньше и не больше – Сам Христос.

Не меньше, потому что предполагает радикализм и бескомпромиссность всего: целостного Евангелия креста и славы, смерти и воскресения, служения и награды. Не больше, потому что не терпит человеческих редакций и дополнений.

Что значит Христос как основание для современного христианства? С какими решениями связано возвращение к Нему как к собственной основе Церкви, к чему эта *вновь обретенная связь* (ре-лигия), это *обновленное, исправленное отношение* (ре-формация) обязывают?

Открывая Христа, христиане говорят не столько о своей Церкви, сколько о Нем. Христос не ограничен церковной оградой. Он – между Афинами и Иерусалимом, Он – и в Афинах, и в Иерусалиме. Он открывает Себя внутри любой христианской традиции, Он же действует в нехристианском и постхристианском мире. Христоцентричное мышление свободно от привязки к точкам или зонам эпифании, оно способно видеть Христа всюду, везде замечает следы Его присутствия и действия.

Во Христе христиане свободны не только от мира, но и от Церкви, которая слишком близка к миру, чтобы не впитать его властные амбиции. Христос ей не принадлежит – она принадлежит Христу. Христос – Судья мира, но Он же – Судья Церкви.

Он поддерживает жизнь мира, и поэтому мир, может, и не «весьма хорош», но все же хорош.

Воплощение Христа – тайна однажды и навсегда свершенной спасительной связи Божьей жизни с человеческой реальностью. Вдумываясь в истину Боговоплощения, больше нельзя судить человека, ему можно лишь сочувствовать и помогать.

Христос – не какие-то крохи, что только и остались у христиан. Он не остаток, но полнота. Он то, что должно быть еще раскрыто.

Протестантский принцип «только Христос» означает не последнее, а первое, то, с чего все начинается. Он – начало, дверь, исток. Обычно думают так: «Ничего и никого больше нет, только Христос». Подлинно христианское мышление следует другим путем: «Только Христос открывает все, дает все, делает возможным все. Только Христос, а через Него – все».

Христиане вспоминают Христа чаще всего в момент пустоты, когда от себя больше сказать нечего. И тогда неудобное молчание изгоняют словами о Христе или ко Христу. Но Христос – не конец разговора. Нельзя использовать Его Святое Имя в качестве покровы нашей внутренней пустоты. Христос – начало, неиссякаемый источник, из которого пустота человеческого разговора о вере и Боге вдруг с избытком заполняется смыслом.

«Только Христос» – руководство к христианскому мышлению во всех случаях жизни, но такое, которое не стесняет инициативу и творчество мыслящего и действующего человека. Это руководство не содержит прямых указаний и строгой регламентации для личной и социальной жизни или научного исследования. Возможность в полной мере состояться – то есть возрастать через верные и неверные решения, учиться самостоятельности и ответственной свободе – дает человеку Христос.

Принцип «Только Христос» вместо прямого руководства дает нам Его ум, Его образ мышления, «ум Христов». Дальше мы будем говорить о том, что это за ум, и как он работает.

Апостол Павел пишет об «уме Христовом» не как о совершенно *другом* способе мышления, но как о полноте возможностей человеческого мышления. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2:14-16).

В современном русском переводе (РБО, «Радостная Весть», 2011) «душевный» человек назван «природным», т.е. необладающим духом, бездуховным. «Ум Христов» активизируется в человеке тогда, когда в

«природном» поселяется дух Божий, когда телесно-душевное одухотворяется. Без «ума Христова» мышление человека «природного» может развиваться сколь угодно, но лишь в плоскости природного же, выйти на другой уровень оно не может, оно плоскоотно, необъемно.

«Ум Христов» применим не только к сфере духовной, но может судить «о всем». «Ум Христов» – новое качество ума, недостижимое для человека вне общения с Богом, вне Его присутствия. «Ум Христов» – восстановленный ум человека, проснувшийся и просвещенный, исцеленный после грехопадения и духовных болезней. Это Божье начало, бывшее в человеке при сотворении, но затем поврежденное. Это не противостоящее начало, но внутреннее, действующее внутри человеческого разума и преображающее его.

В приведенном выше отрывке апостол говорит о такой способности суждения, которая предполагает ясное различие добра и зла и отчетливое разграничение духовного и душевного. Такая способность сегодня редкость не только в мире, но и в Церкви.

Ясность и глубину суждений люди с плоскоотноым мышлением называют безумием и отказывают другим в праве мыслить *христоцентрично, духовно*.

Мир пока еще позволяет христианам некое свободомыслие – но только в той же самой душевной плоскости, в которой теплится его собственное мышление. Но никаких ясных суждений, рожденных Духом, мир сей от последователей Христа не ожидает – и не допустит.

Различение и суждение, ясность и трезвость мысли «о всем», а не только о земном и вещном, связаны с порядком *духовным*.

«Ум Христов» пробуждает все способности ума человеческого и призывает использовать их во всей полноте возможностей и ответственности. Однако, обращаясь ко Христу с вопросами о кальвинистско-арминианских спорах, участии христиан в политике, продолжительности дней творения и других «злбодневных» проблемах, ответов мы, скорее всего, не получим.

В Евангелиях Христос отвечал на вопросы всегда – но отвечал не так, как желали люди. Отказываясь от прямых ответов, Он подчеркивал личную ответственность каждого человека за конкретные решения, но при этом давал спрашивающим фундаментальные принципы принятия решений. Евангелия содержат немало примеров, иллюстрирующих этот подход Господа:

«Некто из народа сказал Ему: Учитель! Скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас? При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени» (Лук. 12:13-15);

«Посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове. Они же, придя, говорят Ему: Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь

ни на какое лицо, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? Давать ли нам или не давать? Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? Принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему» (Мк. 12:13-17).

Иметь ум Христов – не означает жить под диктовку свыше, но означает развивать просветленный и углубленный, чутко прислушивающийся и благоговейный разум. Христианин не обнаруживает в своем уме готовых ответов, не находит решений, которые проникают к нему в голову откуда-то извне и затем существуют там в сформированном виде. Ум Христов не заменяет ум человеческий, но просвещает его и дополняет собой так, что не только христианская жизнь, но и христианское мышление становятся соборными. О таком мышлении в народе говорили «ума палата», т.е. здесь мышление не эгоцентричное, а синергичное; здесь думает не обособленная единица, а палата мудрецов, целая дума.

Ум Христов выделяет христиан, но не как инопланетян среди землян, а как настоящих землян среди землян, забывших свое происхождение, образ, призвание.

Иметь «ум Христов» значит быть более похожим на Него, чем на образ мира, быть «не от мира сего», быть **иным**. Эпоха религиозной свободы поставила перед протестантами, привыкшими за время советских гонений носить на себе ярлык абсолютных чужаков, трудную задачу: стать близкими со вчерашними гонителями и даже похожими на них, найти общее с постсоветским социумом. Дистанция между миром и церквями «прогрессивными» постепенно исчезает, у церкви традиционных она сохраняется неизменной. Сложность для первых в том, как при тесной близости удержать инаковость. Сложность для вторых в том, как, будучи иными, не быть чужими. Сегодня эти крайности очевидны: отчуждение от мира, когда не о чем говорить, и языки друг друга непередаваемы; и ассимиляция в мире, когда все одинаково, все заключено внутрь одного и того же порядка, в котором «ни церковь, ни кабак, ничего не свято».

Слишком похожи и слишком не похожи – одинаково плохо. В одном случае слушать неинтересно, в другом – непонятно. Ум Христов выделяет христиан, но не как инопланетян среди землян, а как настоящих землян среди землян, забывших свое происхождение, образ, призвание.

Открыть уникальную особенность своего мышления – важная задача, без выполнения которой христианину невозможно полноценно идентифицировать себя во Христе. Не менее важно поставить это особое мышление на службу людям, ибо только так христиане смогут идти по пути духовного возрастания, все отчетливее выявляя в себе образ

Божий и уподобляясь Христу. Более того, только так они сумеют выполнить свое предназначение, свою миссию в этом мире.

Что означает иметь ум Христов применительно к современным социально-политическим дискуссиям? Должны ли мы быть националистами или глобалистами, демократами или монархистами, индивидуалистами или коллективистами? Какой представляется уму Христову современная культура, и видит ли он возможности христианского участия в ней?

Ум Христов учит в отношении человеческих порядков быть спокойными пессимистами, а относительно конечного торжества Божьего Царства – неисправимыми оптимистами. Христиане пережили не одну империю, ощутили на себе благо просвещенной монархии и зло неограниченной власти, свободу демократии и ее саморазрушение, энтузиазм участия и горечь разочарования от своих избранных. Ум Христов предполагает ответственность за христианское присутствие и служение внутри любого порядка, общественного устройства, но также и за свободу от него, несовпадение с ним.

В науке и культуре «ум Христов» учит видеть постоянное Божье присутствие, иногда вопреки Церкви и ее представлениям о том, где и когда *должен* действовать Бог. Христос не обещал быть *только* в Церкви, поэтому Он продолжает Свою работу, как и где Ему угодно, порой и вне церковной ограды.

Реформаторский принцип «только Христос» звучит радостной вестью, евангелием для самой Церкви, а не только для мира.

В то время как в постисторическом мире (при обилии исторических, уже некому не нужных богатств) Церковь переживает свои неудачи и свою бедность, ее сокровища обнаруживаются не внутри, а снаружи. Христос ожидает не церковного восстановления, но восстановления связи с Ним, возвращения Церкви к Нему.

И пока мир все еще переживает разочарование Церковью и церковным образом Христа, а Церковь пытается этот образ восстановить, обращаясь к собственной истории, живой Христос встречает ищущих и вопрошающих всюду – и в пустующем храме, и за церковной оградой.

«Только Христос» – радикальный вызов для Церкви: отказаться от своего привычного образа веры и встретиться лицом к лицу с объектом веры, Воскресшим Христом, а не персонажем чужих рассказов. «Только Христос» открывает возможность подлинно христианского мышления, сочетая тварный ум человека и дарованный свыше «ум Христов», освобождая мысль от узко религиозных стереотипов и безгранично расширяя ее возможности для преобразования себя и мира в образ Божий.

Евангельские церкви исповедуют христоцентричность жизни, понимая под этим господство Христа во всех сферах жизни. Но тогда что такое христоцентричность мышления? Это причастность мышления жизни Христовой, т.е. всей полноте жизни, собранной вокруг Христа.

Христос – не такой центр, связь с которым слабеет по мере удаления от него. Христос – центр, который везде. Он не только Альфа, но и Омега.

Христоцентричность мышления предполагает постоянное соотношение с Господом как с Началом и Центром, но одновременно и спокойное осознание Его присутствия вот здесь, как и везде. Иными словами, мысль каждый раз как бы возвращается к Началу, соотносится с ним, и в том же время пребывает в нем, поскольку возможна только в нем и посредством него. Христоцентричная мысль исходит из фактичности присутствия Христа и в Христе, а затем разворачивается, строится, мыслится (мыслит себя), но в этом движении вовне постоянно сопрягается с началом движения, с его исходной точкой.

Христоцентричность указывает не только на место Христа в нашем мышлении, но и на способ мышления, возможный по аналогии с Воплощением, с инкарнационной моделью отношений между вечным и временным, Божеским и человеческим, духовным и материальным.

Христоцентричное мышление жизнеутверждающе и Богочеловечно, оно смиренно принимает то, что Бог уже сделал в Своем Богочеловечестве. Тайна этой явленной связи, тайна Христова присутствия в центре всего осваивается во всех движениях мысли, освящая их собой.

Во Христе все примирено и оправдано, все разделения преодолены, отчуждение устранено, так что субъект не противостоит объекту и другому субъекту, но призывается к связи с ними. В христоцентричной модели мышления уместны не категории научного познания, но категории общения, благодарения, служения. Здесь на первый план выходят социальные и психологические аналогии, поскольку основой христоцентричного мышления становится не идея или метод, но живая Личность и отношения с ней.

Всякий акт мысли, исходящий из Христа, Его призывающий и к Нему устремленный, Им благословляется. Тем самым мысль освобождается от страха иномыслия. Тем самым мысль обретает диалогический, соборный и личностный характер.

Христоцентризм – слишком простой способ мышления, чтобы быть ошибочным. В мире нарочитой усложненности, конфликтной раздробленности христоцентризм выглядит спасением от головокружительной множественности, морального релятивизма и личностной потерянности.

Мысль возвращается к изначальной, неиспорченной простоте и спрашивает не о том, «что может быть» и «что стоит дерзнуть попробовать», а о тех очевидностях добра, истины и красоты, которые доступны прозревшему мышлению.

В мире нарочитой усложненности, конфликтной раздробленности христоцентризм выглядит спасением от головокружительной множественности, морального релятивизма и личностной потерянности.

Присутствие Христа в каждом моменте мыследеятельности предполагает благодарность за то, что в Нем уже есть и потеряно больше не будет. Такая благодарность связана с пониманием мысли как дара, как события, что приключается с человеком по милости Божьей, что входит в него свыше.

Мне трудно вывести алгоритм и продумать всю систему христоцентричного мышления, поскольку этот способ мышления принципиально разомкнут. В нем непременно есть простота и цельность внутреннего решения жить и мыслить в присутствии Христовом, при этом благодарно принимая от Него всю сложность дальнейших мыслительных задач и неожиданных откровений.

«Назад к истокам» – прекрасный девиз гуманистов, возвращающий средневековую культуру к античным и христианским началам, пересматривающий их непростую взаимосвязь. Реформаторы уточнили этот девиз, указав не на основания исторических традиций, но на первооснову всего, которая едина, единственна и личностна.

Наш потерявшийся мир для самопонимания и ориентации нуждается в точке опоры и точке отсчета. Без соотнесения с первоначалом мышление блуждает по замкнутому кругу внутри себя же или становится легкой добычей стихий. Не имея общей основы, религии и культуры начинают «войну всех против всех» или медленно умирают во взаимном безразличии.

«Только Христос» – тот первопринцип, благодаря которому другие начала, в том числе начала культурных и религиозных традиций, могут предстать иначе, в другом свете, ибо «свет Христов просвещает всех». Не иудео-христианство и не античность, не Иерусалим и не Афины, но Христос выступает «точкой сборки» для разобщенной и конфликтной множественности мира.

Все начала заканчиваются разделением, все истоки дают жизнь своим *традициям*, Христос же присутствует в начале *всего* и как начало всего, проявляясь во всем и все преображая. Лишь такой целостный и светлый взгляд на мир идей и жизнь человеческую можно считать подлинно христианским.